

УДК 81'42+91'42+801.73

ТЕНДЕНЦИИ ТЕКСТОПОСТРОЕНИЯ В СИНТАКСИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РЕЧИ

М.В. Оборина

Тверской государственный университет, Тверь

Статья посвящена различным структурным принципам синтаксической организации текста, реализующим основные тенденции текстопостроения. Рассматриваются существенные отличия в целях синтаксической организации разговорной и поэтической речи.

Ключевые слова: синтаксис, экспликационность, импликационность, текстопостроение, метасредство, метасмысл, текст, предложение, филологическая герменевтика.

«And the words slide into the slots ordained by syntax, and glitter as with atmospheric dust with those impurities which we call meaning».

Anthony Burgess Enderby
Outside (1968)

Вопрос о дихотомии языковых средств и, в частности, понятие о дихотомии языковых средств по принципу их принадлежности к средствам импликационного или экспликационного синтаксиса (далее – и/э) был рассмотрен в работах по коллоквиальной стилистике и на материале других подъязыков (см.: [7; 8; 10]). Дихотомический смысл и/э заключается в таком значимом неконвенциональном использовании синтаксических структур, которое влечёт за собой семантические изменения и влияет на организацию смысла текстов.

Ряд лингвистов, занимающихся эстетикой и поэтикой художественных текстов, отмечают несоответствие фактов языка и фактов художественного текста (см.: [1: 353; 2: 70]). Л.П. Якубинский различал систему практического языка, «в которой языковые представления самостоятельной ценности не имеют и являются лишь средством общения» и систему языка художественного, поэтического, «в которой практическая цель отступает на задний план, и языковые сочетания приобретают самоценность» (цит. по: [4: 23]). Сам В.М. Жирмунский писал: «Рассматривая структуру языковой формы как деятельность (по старинному выражению Гумбольдта и Потебни), мы находим в языке различные телеологические устремления, которыми определяется самый выбор слов и основной принцип словосочетания» [4: 22–23]. Разговорная речь отличается спонтанностью, одноразовостью, отсутствием установки на план выражения, в то время как поэтическая речь всегда является результатом единого замысла, существуя как текст, синтаксическая структура которого несёт на себе эстетическую функцию наравне с дру-

гими компонентами языковой структуры. Случайная в разговорной речи последовательность ненормированных конструкций диктуется ситуацией, коммуникативной установкой говорящего, диалогичностью общения и т.п. В поэтической же речи эти конструкции объединяются в пределах целого текста и являются средствами, составляющими метасредства опредмечивания смысла.

Слово может приобрести смысл – т.е. развиться до представления, – если превратится в назывное предложение, предидируется. Таким образом, предложение является «мостиком» между значением и представлением. Оно вместе с контекстом его употребления сводит растянутое, неопределённое, конвенциональное и абстрактное значение до ограниченного, точного, индивидуального и конкретного представления. Понимается всегда не отдельное слово, а текст, в котором слова взаимно ограничивают друг друга и редуцируют свои значения до представлений [5]. На способность синтаксиса («предложений») участвовать в смыслопостроении и направлять рефлексию читателя указывает Стенли Фиш (Stanley Fish) [12]. Значение слова реализуется смысловым образом в конкретной синтаксической структуре, и в ней же слово приобретает способность к предидированию: слова вне синтаксической структуры всего лишь дискретные объекты, указывающие на всё и ни на что, подчинённые логической структуре (включающей не только логику высказывания всех видов, но и субъективно оцениваемую автором логику адекватного выражения), они связываются друг с другом крепкими узлами отношений; из просто слов превращаются в функционально значимые элементы предложения и строят высказывание о мире, которое можно понимать, усматривать, достраивать, оценивать, опровергать и т.п. Признание Г. Флобера о вечном поиске *mot juste* говорит не о поиске отдельного слова, но о словах, стоящих на своём месте в синтаксической структуре. Иными словами, предложение – это форма смысла в пространстве и времени. Предложение – это (1) организация элементов окружающего мира, т.е. структура семантических отношений, (2) структура логических отношений и (3) структура семиотических отношений. Организация отношений между отдельными словами и словоформами превращает набор слов в предложения, а значения – в смысловые миры.

Различные графические и пунктуационные средства письма и конструктивное структурирование синтаксиса в предложении выступают одновременно и средством членения действительности. Вне этого искусственного членения действительность выступает как непосредственно данная, составленная из отдельных равновесных и равно актуальных элементов. В одном из своих интервью 1946 г. Гертруда Стайн отмечала, что в отказе от пунктуационного членения письма выражается стремление заставить предложение выражать свой смысл непрерывно, вне связи со своей конечной структурой, превращаясь в нелинейно ор-

ганизованную сущность, каждая часть которой имеет свой смысл, остающийся одновременно и устойчивым, и изменчивым. Традиционное представление о композиции целого как подчинении центральной идее изменилось с приходом Сезанна и Флобера, показавших, что каждый композиционный элемент целого значим, а часть столь же значима, как и целое. Это стремление к непрерывности письма-текста отражает баланс тенденций связности / сегментации [6: 307–308]. Содержание текста представлено как связное особой дозировкой значащих единиц и сегментацией содержательной стороны текста по временной и пространственной осям. Связность и сегментация являются скорее семиологической, чем логической категорией, выступая в форме дисплазии, двух сторон одного и того же явления. Сегментация – это отрицательный полюс связности, а в парадигматике – это оппозиционные члены категории. В синтагматическом отношении в рамках связности сегментация является конкурирующим началом, ослабляющим связность, но не сводящим её к «нулю». Однако связность не может быть безграничной и объективно требует расчленения. Членение текста, в свою очередь, является субъективным, так как автор текста по своему усмотрению наделяет самостоятельностью содержательные элементы, в то же время опираясь на конвенциональный, и для него объективный, способ членения текста и действительности, используя ядро или периферию потенциальных возможностей системы языка. Таким образом, стремление к максимальной сегментации уравнивается стремлением к её устранению, являясь частным случаем реализации универсальной и/э тенденции текстопостроения. Сегментация текста отражает тип семантической связности как в художественном тексте, так и в спонтанной разговорной речи.

Насколько правомерно изучение синтаксических структур в целях экстраполяции результатов на единицы более высокого уровня? В одной из работ Р. Барт пишет, что в дискурсе нет ничего, чему нет соответствия в предложении, указывая также на то, что предложение – это порядок, а не последовательность, и оно не может быть редуцировано к значениям составляющих его слов [11: 239]. Таким образом, изначально лингвистика останавливалась в своих исследованиях на предложении, поскольку всё, что может следовать дальше, – это только новые предложения. Вместе с тем, дискурс (а текст есть не что иное, как остановленный дискурс) представляет собой не просто организованность предложений. Он управляется собственной логикой организации (композицией). В каком-то смысле, можно говорить о языке дискурса, отличном от языка предложения и имеющем свои единицы, свою грамматику и свои конвенции. Т.М. Дридзе указывает, что текст представляет собой «систему элементов, функционально объединённых в структуру общей концепцией, поэтому текстовая комбинаторика качественно ме-

няет информативную нагрузку элементов» [3: 35]. Тем не менее, исходя из простых соображений о том, что задача изучения бесконечного числа текстов (дискурсов) невероятно сложна, разумным было бы постулировать гомологичные отношения между предложением и дискурсом, полагая, что формальная организация присуща всем семиотическим системам вне зависимости от их материала и размеров. В таком случае, дискурс – это «предложение-переросток», а предложение, в свою очередь, – это маленький текст.

С точки зрения филологической герменевтики средства текстопостроения реализуют метастилистические тенденции к актуализации или автоматизации, полифоничности или монофоничности, экспликационности или импликационности и т.п. Вербальность как языковое воплощение является только материалом, за которым стоит механизм текстообразования. То, что в языковом плане выглядит как «деградация» или «обогащение» одного плана по отношению к другому, для герменевтики является особым способом смыслоустройства. Как смыслы в процессе категоризации соединяются в метасмыслы (не являющиеся суммой смыслов), так и средства текстопостроения категоризируются в метасредства (при этом одни и те же средства используются в составе различных метасредств). В разных типах текстов реализованы текстообразующие тенденции, которые оптимальны как с риторической точки зрения, так и с точки зрения оптимизации понимания текста [8].

В текстах подъязыка разговорной речи тенденции и/э с необходимостью сопровождаются автоматизацией и избыточностью речи, художественные тексты стремятся к энтропийности и предельной актуализации. В разговорной речи импликационными могут быть только тексты с достаточной долей автоматизмов, с тем, чтобы поддерживать необходимый уровень избыточности.

Факты языка (в своей определённости) подчиняются художественному заданию (названному нами принципами текстовой организации) и становятся стилистическими приёмами. В разговорной речи на месте художественного задания выступают коммуникативные намерения говорящего, а вместо эстетических принципов – нормы функционального стиля разговорной речи (требования к краткости, экономии и к избыточности, упрочению «канала связи», к автоматизму и эмоциональности и др.).

Синтаксис поэтической речи (в частности, как наиболее яркий пример, синтаксис М. Цветаевой, по её собственному выражению, весь в «сплошных препинаниях знаках») нарушает нормы литературного языка, в то же время реализуя заложенную в этих нормах относительную свободу. Свобода, прежде всего, ассоциируется с потенциальной субъективной оценкой говорящим адекватности используемых средств (см.: [10]). Так, авторская постановка знаков препинания может стать показа-

телем актуального членения, выделяющего истинного субъекта и истинный предикат [9: 89]. При этом с точки зрения нормативного синтаксиса реализуется тенденция к имплицированию смысла, поскольку знаки препинания становятся единственным показателем той синтаксической связи, которую требуется восстановить. Восстановление синтаксической связи в условиях нарушенной пунктуации является рефлексивной техникой, направленной на усмотрение / восстановление смысла поэтического сообщения. Запутанность синтаксиса в поэтической речи не препятствует пониманию текста, а, напротив, становится одним из средств пробуждения рефлексии.

Следует отметить, что синтаксическая система любого литературного языка потенциально содержит в себе все те возможности, которые реализуют и/э тенденции в подъязыке разговорной речи и в поэтической речи. Однако, конкретные реализации одних и тех же синтаксических тенденций языка в поэтическом языке и разговорной речи оказываются совершенно несходными между собой в силу специфики функционирования этих двух подъязыков. Представленность речевых жанров в текстах поэтической речи, с одной стороны, даёт читателю технические средства понимания, отсылая его к конвенциональному употреблению, а с другой стороны – актуализирует неявно выраженные смыслы текста.

Для художественных текстов характерна корреляция и/э в условиях актуализации и энтропийности. Каждая пара стилистических текстообразующих тенденций особым образом «строит стиль»: избыточность / энтропийность затрагивает содержательную плоскость текста, определяет структурные элементы «количественно» – задаёт определённость или неопределённость содержания; актуализация / автоматизация как организующий принцип имеет отношение главным образом к выявлению референциальных связей, вовне и вовнутрь направленных; актуализация обеспечивает выявление новых связей, глубину пространства созерцания, автоматизация – использование старых связей, что «уплощает» пространство (см.: [8]). Мера эксплицитности текстов соотносима со степенью их субъективной объяснённости и понятности. Увеличение эксплицитности должно увеличивать разнообразие представлений об объекте (в то время как избыточность всегда переживается как ограничение разнообразия). В частности, возможно одновременное уменьшение избыточности и увеличение эксплицитности, реализованное внедрением в текст менее частотных субституентов (иноязычных слов, маркеров личности и т.п.), в том числе и на синтаксическом уровне [9: 103].

И/э способы организации связываются с развёрнутой и свёрнутой формой сообщений, представленной в разных синтаксических структурах. Развёрнутость сообщения может проявляться в представлении *од-*

ного объекта с *разных* сторон, представление новых связей объекта в мире с помощью соотнесения, детализации, уточнения, иллюстрирования образами, синонимии и иных средств текстопостроения (число которых в среднем в три раза превышает число средств имплицирования в развитых языках). Эксплицирующее действие может проводиться по отношению к нескольким классам реальностей, сюда относятся: 1) предметы, с которыми производится некоторое действие (упорядочивается процедура, усиливается наглядность, «рисование словами» способствует визуальной чёткости образа); 2) понятия и свойственные им связи (эксплицируются модальности, противопоставления, сопоставления, выявляется скрытое сходство или несходство); 3) точки зрения (различение научных и житейских понятий, разные взгляды на одну и ту же вещь или событие, эффект «остранения»); 4) свойства человека как автора речевого произведения (выражение эмоций, оценок). Эксплицирование оказывается пустым, если ни один из классов реальности не оказывается объяснённым.

Полезное эксплицирование в искусстве – это всегда усиление воздейственности. Рассмотрим, например, отрывок из текста Мартина Лютера Кинга «Letter from a Birmingham Jail» (1963). Особенностью синтаксической организации текста является то, что придаточные предложения предшествуют главному и указывают на него, многократно повторяясь в своей структуре (параллельные конструкции, анафоры, фигуры речи). В результате, реализуя фигуру затянутого ожидания (*suspense*), они указывают на исход предложения до его завершения, иллюстрируя разные аспекты заданного смысла:

«... when you have seen vicious mobs lynch your mothers and fathers at will and drown your sisters and brothers at whim; when you have seen hate-filled policemen curse, kick, brutalize and even kill your black brothers and sisters with impunity; when ...; then you will understand why we find it difficult to wait».

Ответ автора текста на вопрос: «Почему нельзя ещё подождать и не переходить к открытым маршам протеста?» одновременно и имплицирован (последовательностью придаточных предложений, вводимых анафорой *when*, и объяснён, поскольку содержание каждого придаточного предложения и есть развёрнутый ответ и утверждение. Каждое придаточное формально представляет собой часть ответа, на деле являясь в сем ответом. По мере роста объёма придаточного предложения необходимость в главном предложении (ответе) практически отпадает. Синтаксический механизм создания эффекта затянутого ожидания и риторического замещения вопроса ответом дополняется внутривидовыми средствами. Использованный принцип текстопостроения стано-

вится метасредством, поглощающим средства низших уровней и вырастающим из них.

Полезное имплицирование в искусстве стимулирует художественное познание в условиях значащего переживания, которое возникает под влиянием восприятия текста (паузация, инвертированный порядок слов, средства косвенного одобрения или осуждения, намёки и т.п.). Вредное имплицирование затрудняет коммуникацию, поскольку ведёт от речи контекстной (основанной на постепенном слиянии контекстов или их взаимном признании) к речи ситуативной (закрытой от участников коммуникации) и интровертированной. Ярким примером ситуативности речи в результате переоценки общности контекста является использование в разговорной речи дейктических средств как субститутов неизвестных имён. В художественном тексте средства дейксиса или усилительные частицы могут служить полезной импликационности, так как имплицитно разделяют контекст автором и читателем за счёт включения механизма мимезиса и смещения фокуса наррации.

Особенно существенным с точки зрения изучения действия основных реализуемых на синтаксическом уровне тенденций текстопостроения (имея в виду, прежде всего, пару и/э) является присутствие нестандартных синтаксических конструкций на периферии системы правил и конвенций языка. О.Г. Ревзина [9] указывает на использование потенциальных возможностей синтаксиса разговорной речи в поэзии М. Цветаевой. При этом периферийные возможности системы норм и разрешений синтаксиса русского языка создают основания для использования нестандартных синтаксических структур, реализующих баланс и/э тенденций текстопостроения. В частности, наблюдения над текстами поэзии Цветаевой позволяют предположить, что пространственно-временное членение действительности в её текстах часто построено по принципу преобладания имплицитной тенденции, нарушающей нормы явного представления связей элементов содержания, имплицитно выражая авторские смыслы.

Таким образом, способность синтаксиса служить метасредством смыслообразования и реализовывать противоположные тенденции текстопостроения заложена в самом языке. Конструктивные принципы синтаксической организации выполняют свою функцию метасредств и в отношении содержательной формы – структуры точек зрения в художественном тексте, и в отношении идейного содержания текста, определяемого субъективным подходом к действительности.

Список литературы

1. Барт Р. Критика и истина // Зарубежная эстетика и теория литературы. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. С. 349–387.
2. Выготский Л.С. Психология искусства. М.: Искусство, 1986. 573 с.

3. Дридзе Т.М. Интерпретационные характеристики и классификация текстов (с учётом специфики интерпретационных сдвигов) // *Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации)* / Отв. ред. Т.М. Дридзе, А.А. Леонтьев. М.: АН СССР. Ин-т языкознания, 1976. С. 34–45.
4. Жирмунский В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л.: Наука, 1977. 408 с.
5. Ивин А.А. Логика: учебник для гуманитарных факультетов. М.: Фаирпресс, 2002. 239 с.
6. Кожевникова К. Формирование содержания и синтаксис художественного текста // *Синтаксис и стилистика*. М.: Наука, 1976. С. 301–315.
7. Кукушкина С.К. Оптимизация речевой формы устного объяснения учителя: дис. ... канд. пед. наук. М., 1981. 213 с.
8. Оборина М.В. Понятие «экспликационная и импликационная тенденции текстопостроения» как средство интерпретации текста: дис. ... канд. филол. наук. М., 1993. 215 с.
9. Ревзина О.Г. Некоторые особенности синтаксиса поэтического языка М. Цветаевой // *Ученые записки ТГУ. Вып. 481. Семиотика устной речи. Лингвистическая семантика и семиотика*. II. Тарту: ТГУ, 1979. С. 89–106.
10. Скребнев Ю.М. Введение в коллоквиалистику. Саратов: Саратов. ун-т, 1985. 210 с.
11. Barthes R., Duisit L. An Introduction to the Structural Analysis of Narrative // *New Literary History*. Vol. 6. No. 2. On Narrative and Narratives (Winter, 1975). Pp. 237–272.
12. Fish S. Eu. How to write a sentence: and how to read one. N.Y.: Harper Collins Publishers, 2012. 166 p.

TEXTBUILDING TRENDS IN SYNTACTIC ARRANGEMENT OF SPEECH

Marina V. Oborina
Tver State University, Tver

The paper examines structural principles of syntactic arrangement of texts as means of implementing the dichotomy of main textbuilding trends in colloquial and poetics speech.

Keywords: *syntax, explicitness, implicitness, textbuilding, meta-vehicles, meta-meaning, text, sentence, philological hermeneutics.*

Об авторе:

ОБОРИНА Марина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Тверского государственного университета, e-mail: mobor@mail.ru